

рается на глубокое понимание специфики образного отражения жизни. Хотелось бы однако, чтобы в дальнейших своих исследованиях автор углубил объяснение генезиса того или иного типа. Откуда, например, возник «эпико-психологический реализм» (стр. 282), почему реализм в творчестве Л. Толстого приобрел именно такую специфику? Очевидно, надо в подобных случаях еще больше уточнять своеобразие и истоки идейно-художественного мышления писателя.

Конечно, при этом не следует сводить мировоззрение писателя к его политическим или иным теоретическим взглядам (М. Б. Храпченко решительно выступает против подобного отождествления, впрочем, напрасно приписывая его Г. Н. Поспелову, не раз писавшему о различии между всей системой воззрений художника и его теоретическими доктринами), но желательно брать за основу типологической классификации реализма какие-то главные, существенные стороны мышления писателя, определившие содержание и метод его произведений.

В книге М. Б. Храпченко рассматривается много проблем — здесь нет возможности останавливаться на всех. Хотелось бы обратить внимание читателя на характеристику в ней стиля как литературоведческой и искусствоведческой категории. Помимо последовательно выраженной и в этом разделе методологически важной идеи единства общего и индивидуального (в изучении стиля это наиболее перспективная идея) интересны теоретические рекомендации относительно исследования специфического «языка» конкретного вида искусства, ценны положения о единстве стиля, которое имеет не только генетический, но и функциональный характер (стиль как особый способ убеждать и увлекать читателей, стр. 109). Эти положения органично входят в общую историко-литературную концепцию автора, согласно которой всегда должны соединяться два подхода к литературе: историко-генетический и историко-функциональный («исследование действительной роли литературы», стр. 230). Данная концепция особенно ярко выражена в интересном разделе «Время и жизнь литературных произведений».

Что же касается стиля, хотелось бы

лишь, чтобы этот «способ выражения» (стр. 109) был еще более глубоко, чем это сделано в книге, определен с точки зрения влияния на него объекта и предмета изображения. Так, здесь говорится, например, о «героико-патетическом способе обрисовки коллектива» в «Железном потоке» Серафимовича, таком стиле, который «организует повествование в общем едином ракурсе, формируя внутреннюю цельность произведения» (стр. 113). Поскольку речь идет о пафосе, являющемся прежде всего категорией содержания, интересно было бы исследовать его природу и в связи с тем, что условно называется субъективной стороной содержания (авторское отношение), и в связи с объективной стороной (предмет изображения).

В книге М. Б. Храпченко немало ценных суждений о судьбах литературы в социалистическом обществе. Конкретно иллюстрированная мысль автора о том, что в определенные исторические периоды социалистические идеи должны выражаться в соответствующих формах, дает ответы на многие вопросы. В частности, она помогает точнее осознать процессы возникновения литературы социалистического реализма, соотношение «старого» и «нового» реализма. Думается в этой связи, что говоря о так называемом «кризисе» классического реализма в конце XIX в. надо иметь в виду кризис миропонимания, но не кризис творческого метода.

Побуждают к размышлениям тезисы о возникновении социалистического реализма в результате общественной потребности, о прогрессе в литературе и искусстве и др. Они содержательны, конструктивны, «проверены» автором на богатом литературном и художественном материале.

Главные достоинства новой книги состоят в ее конструктивном характере, в глубине ее идей, в том единстве теоретического и исторического подходов, которое должно являться нормой научного изучения как отдельного художественного опыта писателя в его индивидуальном своеобразии, так и литературных процессов в целом.

П. А. Николаев

Б. Бухштаб. РУССКИЕ ПОЭТЫ: ТЮТЧЕВ, ФЕТ, КОЗЬМА ПРУТКОВ, ДОБРЮБОВ.

Изд. «Художественная литература», 1970, стр. 246

Работы Б. Бухштаба, собранные в этой книге, печатались в качестве вступительных статей во втором издании большой серии «Библиотеки поэта». Однако отнюдь не это обстоятельство роднит их между собой. Как указывает автор, «книга имеет свой хронологический центр; это середина века, 40—60-е годы, время активной деятельности всех поэтов, о которых идет здесь речь.

Но больше всего связывают напечатанные статьи черты исследовательской работы самого автора. Это прежде всего — необычайное умение создать психологический портрет поэта, многое объясняющий и в его творчестве, и в его биографии. Это — подробнейший анализ поэтики, особенно поэтики Тютчева и Фета, включающий пронизательный анализ мотивов творчества, это и характеристика «поэ-